

Тан Шаотан, унесшийся мыслями, уже готов был кивнуть, как вдруг почувствовал неприятный холодок. В памяти всплыл образ Главы Павильона Радужных Одежд, возвышающейся над ним, а воспоминания окутались едва уловимым ароматом, пока лицо окончательно не расплылось в тумане.

Его мысли резко оборвались. Он поднял руку, потерев виски, прекратил бесполезные воспоминания и наконец, не меняясь в лице, покачал головой.

А Цзю: «?»

Не умеет?

Цюй Цзюаньцзюань говорила иначе...

Не хочет?

Не хочет нам готовить?

Или же...

На лице А Цзю появилась забавная улыбка, и он молча уставился на Тан Шаотана.

Тан Шаотан нахмурился, почувствовав в этой многозначительной улыбке безмолвное давление, словно любая его ложь перед этим человеком была обречена на провал.

Он отвернулся, избегая взгляда А Цзю, и тихо произнёс: «Я куплю тебе».

Не дожидаясь, пока А Цзю выскажет свои пожелания, он уже собрался уйти.

Но А Цзю опередил его, выставив ногу и преградив путь: «Ты —»

Деньги есть? Знаешь, что я хочу? Куда так спешишь?

Прежде чем поток жалоб вырвался наружу, взгляд А Цзю, скользнув по его собственной ноге, невольно зацепил раненую ногу Тан Шаотана.

А Цзю: «...»

Тан Шаотан: «?»

А Цзю: «Чёрт». Он бросил на Тан Шаотана взгляд и вдруг, ни с того ни с сего, передумал: «Не ходи, я сам».

А Цзю махнул рукой и уже сделал шаг, но тут Тан Шаотан сам протянул руку, чтобы его остановить. На лице А Цзю явственно отразилось недовольство, он нахмурился: «Что? Я сам схожу — и ты против?»

Тан Шаотан, тщательно взвесив слова, наконец выдавил правду: «Ты дорогу не знаешь».

А Цзю: «...»

Он насупился, спорить было нечего.

Тан Шаотан тихо вздохнул: «Всё-таки я».

А Цзю, скрестив руки, прислонился к стене, швырнул серебряный слиток и, словно в обиде, отвернулся: «Ладно, ладно, иди уж».

Доброе дело — наказание.

Даже считая себя тупым, Тан Шаотан видел, что А Цзю дуется. Губы его дрогнули, будто он хотел что-то объяснить, но слова показались ему нелепыми, и в конце концов он так ничего и не сказал, повернулся и исчез за воротами.

Яркое солнце освещало удаляющуюся фигуру в белых одеждах, а А Цзю зажмурился, прикрываясь от непривычного света. Одновременно он стёр и солнечные блики, упавшие ему в глаза.

Он обвёл двор чёрными, как смоль, глазами, молча осматривая его.

Во дворе не было ничего примечательного, лишь постепенно коченеющее тело, да ещё и убитое Чёрной Меткой, что делало пейзаж и вовсе унылым.

Фань Сяо, единственный из троих, сохранявший здравый смысл, уже ушёл в дом, так что во дворе не осталось никого, кто мог бы ахнуть или закричать. Всё казалось А Цзю обыденным, привычным, как бесчисленное множество раз, когда он просыпался и равнодушно констатировал смерть вокруг.

Но кто-то говорил ему, что то, что они считали обычным, на самом деле должно быть редкой аномалией.

А Цзю с обычным выражением лица долго смотрел на «аномалию» во дворе, пока наконец не вспомнил, какой должна быть нормальная реакция. Он выпрямился, отошёл от стены, окинул двор взглядом, выбрал подходящее по размеру пустое место и быстрым шагом направился туда. На расстоянии он ударил ладонью по земле, и песчаный грунт мгновенно прорезали зияющие трещины. Затем он нанёс ещё один удар, казавшийся мягким, но словно вдохнувший жизнь в эти разломы. Они поползли по уже существующим линиям, расширяясь, пока не образовали неровный круг.

А Цзю, наконец удовлетворённый, отступил на шаг, два, три и сложил руки за спиной. С оглушительным грохотом земля перед ним обрушилась, образовав яму, достаточно глубокую, чтобы похоронить человека. А Цзю взмахнул рукой — и тело Ню Лэя с перекошенным лицом шлёпнулось в яму. Ещё один взмах рукавом — и вихрь поднял жёлтый песок, полностью засыпав яму, оставив лишь земляной холмик, могильный курган.

«Кх-кх-кх, откуда столько пыли!»

Фань Сяо, покопавшись в доме в одиночку и ничего не найдя, собрался выйти и посоветоваться с А Цзю. Едва переступив порог и открыв рот, он тут же наглотался пыли и закашлялся. Едва отдышавшись, он поднял глаза и как раз угодил взглядом на свежую могилу во дворе. Он остолбенел, забыв, зачем вообще вышел.

А Цзю, отряхивая пыль с плеч и одежды, заявил: «Ты закопал».

Фань Сяо, наглотившись пыли, на миг онемел, лишь уставившись на А Цзю большими наивными глазами, словно не понимая его слов.

А Цзю пояснил: «Если спросят, скажешь, что это ты выкопал яму и похоронил».

Фань Сяо, склонив набок свою невинно обвинённую голову, глядя на невозмутимое лицо А Цзю, лгущее без тени смущения, не выдержал и указал на противоречие: «Не прошло и получаса. Я, обычный подросток, голыми руками выкопал яму для взрослого и ещё успел его закопать?»

Вы шутите?

А Цзю кивнул, высокомерно подтверждая: «Ага, именно так».

Фань Сяо ткнул пальцем в себя, затем в внушительную могильную кучу: «Ты сам-то веришь?»

Ты что, людей за идиотов держишь?

А Цзю вышел из себя: «Чёрт, тогда возьми лопату».

Фань Сяо: «Разве дело в лопате?»

Братец, мне не лопата нужна!

А Цзю: «Даю тебе полдня, этого должно хватить».

Фань Сяо: «Полдня? Чтобы сходить в город за едой?»

Тот самый Тан двигается бесшумно, то исчезнет, то появится, лёгкость у него отменная. Не должен он так долго.

А Цзю, скрестив руки, усмехнулся: «Вернётся ли он вообще — ещё большой вопрос».

Фань Сяо: «???»

...

С лёгкостью Тан Шаотана добраться из дома старика Нью до городка Фэньюань действительно отняло бы не много времени. Даже если учесть время на готовку и упаковку еды, полдня бы это никак не заняло.

И когда Тан Шаотан прибыл в Фэньюань, А Цзю всё ещё нежился на солнышке во дворе старика Нью. Поторопись он в харчевню за готовой едой — и вскоре мог бы вернуться с дымящимися коробками. Однако Тан Шаотан поступил иначе: нарочно выбрал несколько блюд, требовавших времени, велел хозяину томить их на медленном огне, а сам отправился по другим делам.

По пути Тан Шаотан смотрел на мерцающие блики под карнизами домов вдоль улицы, погружённый в раздумья.

А Цзю как-то в шутку просил у него ароматную пудру или мешочек, и он тогда ответил, что нет, и вправду не было. Однако красавицы Павильона Радужных Одежд обычно носили с собой ароматные мешочки, в которые подмешивалась Позолоченная ароматная пудра. Стоило нанести хотя бы полмизинца этой пудры в укромные места, вроде карнизов, куда обычные люди редко заглядывают, — и это становилось сигналом для общения между своими.

Даже если кто-то заметит, это будут лишь едва уловимые сверкающие точки, не несущие никакого смысла. Лишь для глаз выходца Павильона они мгновенно складывались в узнаваемый контур — очертания любимого цветка Главы Павильона, хаитана, клейма, на

которое они взирали с самого рождения.

Тан Шаотан с младенчества видел в разных уголках Павильона множество резных узоров с цветами хаитана. Потому даже несколько штрихов, для обычного взгляда — просто беспорядочные световые пятна, для него несли скрытый смысл.

А обнаруженная им в Фэньюане отметка передавала ясное послание:

«Срочно явиться».

— Тётушка Чань.

Авторское примечание:

Спасибо за чтение! Буду рад, если добавите в закладки, чтобы читать дальше! Читать по мере выхода — слишком мучительно!

Не успел оглянуться, а уже зима!

Тётушка Чань была учителем Тан Шаотана. Она научила его музыке, шахматам, каллиграфии и живописи, научила боевым искусствам и владению мечом, научила, как стать настоящим убийцей.

Но она была для него больше чем учителем. Она никогда не называла себя наставницей, просила звать её тётушкой Чань, что добавляло отношениям теплоты.

В детстве Тан Шаотан, заглядывая в глаза и нежно называя «тётушка Чань», порой тешил себя мыслью: будь его мать жива, наверное, она была бы похожа на неё — мягкая, изящная, мудрая, прекрасная, как фея.

Он часто украдкой следил за выражением её лица, старался угадать её настроение и изо всех сил пытался заслужить её одобрение, её кивок и улыбку.

Увы, он был слишком туп, и слишком часто её огорчал.

<http://bllate.org/book/16258/1462586>